

Г. Н. Кочешков

Эмигрантский период в жизни и творчестве А. А. Кизеветтера

В статье представлен анализ взглядов А. А. Кизеветтера на сущность теории евразийства в 20–30-е гг. XX в.

Ключевые слова: евразийство, особый мир, православие, географический фактор, большевизм, культурный мир.

G. N. Kocheshkov

Emigrate's Period in A. A. Kizevetter's Life and Creativity

The analyses of A. A. Kizevetter's views on the essence of the Eurasian theory in 20–30 years of the XX century is presented in the article.

Keywords: Eurasian, a separate world, the Orthodoxy, a geographic factor, bolshevism, a cultural world.

В самом начале 20-х гг. XX в. в эмигрантской среде возникло движение, получившее название евразийство, объединившее группу деятелей, «работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя» [3, с. 81].

Евразийские идеи были впервые обнародованы в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), в котором излагались основные принципы нового движения. Главными идеологами евразийства были Н. С. Трубецкой (1890–1938) и П. Н. Савицкий (1895–1968). Какое-то время в лагере сторонников евразийского учения находились историк Г. В. Вернадский (1887–1973), богословы и философы Г. В. Флоровский (1893–1979), А. В. Карташов (1875–1960), Л. П. Красавин (1882–1952), искусствовед П. П. Сувчинский (1892–1985). Смелые, в определенной степени новаторские идеи евразийцев вызвали бурную дискуссию в эмигрантских кругах, в которой участвовали практически все заметные деятели того времени: П. Б. Струве, П. Н. Милоков, И. А. Ильин, З. Н. Гиппиус, А. А. Кизеветтер и др.

Евразийцы пропагандировали свои идеи на страницах газеты «Евразия», в «Евразийской хронике», в различных сборниках статей. В 1926 г. издается программный документ «Евразийство (опыт систематического изложения)», в

подготовке которого значительную роль сыграл П. Н. Савицкий.

Философские идеи евразийцев сродни западноевропейской теории политкультурности мирового исторического процесса. Книга О. Шпенглера «Закат Европы», вызвавшая большой шум в интеллектуальной среде, появилась за год до первых публикаций евразийцев, хотя П. Н. Савицкий утверждал, что их идеология родилась независимо от воззрений, высказанных Шпенглером, и приблизительно одновременно с выходом его труда. Отказываясь признавать «абсолютную» ценность европейской культуры, Савицкий обосновывает тезис об относительности многих, и в особенности идеологических и нравственных достижений и установок «европейского» сознания.

Четыре идеи лежали в основе нового учения: 1) утверждение о существовании особого континента Евразия со специфическими природными условиями, климатом и ландшафтом; 2) о месторазвитии народа как категории, отражающей синтез социально-культурной среды и территории; 3) об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленном его местоположением; 4) концепция идеократического государства как идеальная модель развития демократического общества [1, с. 29].

Географическому обоснованию своей теории евразийцы придавали особое значение. По их мнению, в чисто географическом смысле понятие «Европа» «бессодержательно и нелепо». На Западе – «богатейшее развитие побережий, ис-

тончение континента в полуострова, острова, – отмечал П. Н. Савицкий. – На востоке – сплошной материальный массив, имеющий только разъединение касания к морским побережьям...; климатически – на западе приморский климат, с относительно небольшим различием между зимой и летом; на востоке это различие выражено резко: жаркое лето, суровая зима... Можно сказать по праву: Восточно-Европейская... равнина по географической природе гораздо ближе к равнинам Западно-Сибирской и Туркестанской, лежащим к востоку от нее, нежели к Западной Европе. Названные три равнины... представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. И если к первым приурочите имя «Европы», а ко вторым – имя «Азии», то названному только что миру, как срединному и посредствующему будет приличествовать имя «Евразии»... [3, с. 81]. В статье «О туранском элементе в русской культуре» Н. С. Трубецкой развивает мысль Савицкого о самобытности русского народа, вытекающей из особых географических условий жизни и быта россиян. «Восточно-славянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли... только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Черным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена племенами, которые принято объединять под именем «туранских» или «урало-алтайских». В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточно-славянские, русские племена... Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительством русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю... Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить» [2, с. 59].

Евразийские авторы считали Россию преемницей наследия Чингисхана. «Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя», – писал П. Н. Савицкий [3, с. 45].

Россия прежде всего «Московский улус»; она сознательно выбрала свой путь. Россия предпочла окатоличению с Запада подчинение монголам. «Монгольским завоеванием Русь была втянута в общий ход евразийских событий... выяснилось, что северо-восточная ее часть, в лице Руси Московской, способна к выявлению такой силы и духовного напряжения, которые делают ее наследницей монголов и позволяют этому оседлому народу принять на себя общеевразийскую объединительную роль, которую до сих пор выполняли... исключительно степные, кочевые народы. Вместе с ослаблением Золотой Орды произошло... перенесение ханской ставки в Москву... русское государство XVI–XX вв. является в большей мере продолжением скифской, гуннской и монгольской державы, чем государственных форм дотатарской Руси» [3, с. 125]. Вывод евразийцев о взаимоотношениях России с Западом и Востоком вполне предсказуем: «Надо не уставать подчеркивать родство азиатских культур с евразийской и их давнее интимное взаимодействие, до сих пор достаточного внимания к себе не привлекавшее... Наше отношение к Азии интимнее и теплее, ибо мы друг другу родственнее» [3, с. 66].

Евразийская концепция знаменовала решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма», отрицавшего своеобразие и уникальность культурного наследия неевропейских народов. Европейец высокомерно называл «дикими» и «отсталыми» всех тех, кто не был похож на него манерами, поведением, образом мышления. Универсалистское восприятие культуры побуждало европейцев огульно квалифицировать одни народы как «культурные», а другие как «некультурные». Резко протестуя против столь примитивной оценки культурного наследия мира, П. Н. Савицкий писал: «Следует признать, что в культурной эволюции мира мы встречаемся с «культурными средами» или «культурами», одни из которых достигли большего, другие – меньшего. Но точно определить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при помощи расчлененного по отраслям рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться и сплошь и рядом оказывается высоко стоящей в отраслях других. Нет никакого сомнения, что древние жители острова Пасхи в Великом Океане «отставали» от современных англичан по весьма многим отраслям эмпирического знания и техники; это не помешало им в

своей скульптуре проявить такую меру оригинальности и творчества, которая недоступна ваянию современной Англии. Московская Русь XVI–XVII вв. отставала от Западной Европы во множестве отраслей; это не воспрепятствовало созданию ею «самоначальной» эпохи художественного строительства, выработке своеобразных и примечательных типов «башенных» и «узорчатых» церквей, заставляющих признать, что в отношении художественного строительства Московская Русь того времени стояла выше большинства западноевропейских стран... Дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных». И что разнообразнейшие народы, которых «европейцы» именуют «дикарями», в своих навыках, обычаях и знаниях обладают «культурой», по некоторым отраслям и с некоторых точек зрения стоящей «высоко» [3, с. 86–87].

Евразийцы принадлежали к тем мыслителям, которые отвергали теорию линейного прогресса: «Если линия эволюции разнó пролегает в разных отраслях, то не может быть и нет общего восходящего движения, нет постепенного неуклонного общего совершенствования» [3, с. 88].

Россия не Европа, заявляют евразийцы; но это не значит, что «у нас нет точек жизненного соприкосновения» с Западом. По отношению к Европе «Россия есть Православие, то есть истинное христианство по отношению к ереси, то есть упорному отречению от христовой веры, которую некогда Европа исповедовала как свою» [3, с. 65]. Евразийцы призывают европейские страны к «покаянию», возвращению европейской культуры к подлинным христианским истокам, которые откроют Европе новые пути развития.

В таком признании четко проводится грань между православной Россией и неправославной Европой. «Православие – высшее, единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все – или язычество, или ересь, или раскол» [3, с. 65]. Идеал православия евразийцы видели в соборном единстве многих исповеданий, при условии, что они не еретичны.

Большое внимание евразийцы уделяли разработке собственной концепции государства. Россия – особый мир, континент, где наиболее широко и многосторонне представлено участие государства во всех проявлениях общественной жизни. Обосновывая тезис о том, что евразийский мир есть среда «наибольшего развития этатизма», евразийцы обращаются к историческому прошлому России. Государство у них превраща-

ется в основную двигательную силу истории. И здесь позиции евразийцев близки и даже схожи со взглядами представителей государственной школы в русской историографии. «Государство – есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере», – писал один из идеологов историко-юридической школы Б. Н. Чичерин [6, с. 369]. «Централизация, – по определению С. М. Соловьева, – восполняет недостаток внутренней связи, обусловливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось» [4, с. 625]. Евразийцы признают огромное положительное значение этатизма: «Необычная концентрация народных сил под покровом и водительством центральной власти характеризует историю кочевых империй, существовавших на том пространстве, которое теперь заселено русским народом. Эта традиция была воспринята Московским государством, в котором все было “государево”, от государя находилось и делалось его именем. Основные элементы централизма... имелись и в истории императорской России. Глубоко знаменательна та форма, которую приняла в России «социалистическая революция». Она свелась к обобщению и обострению традиционного русского централизма и этатизма» [3, с. 103]. Евразийцы видели преимущество централизованной системы управления в том, что она позволяла решать крупные, исторически важные задачи. При этом они полагали, что русский опыт может оказаться «полезным и для других культурно-исторических миров нашей планеты» [3, с. 103].

Однако не все мероприятия большевиков в сфере государственного строительства евразийцы оценивали положительно. Они были противниками всеобщей национализации. «Не может и не должно быть огосударствлено все», – писал П. Н. Савицкий [3, с. 104]. Так, в экономической области наряду с государственными предприятиями должен существовать и частный сектор, который нужен для того, чтобы «имелось мерило “добротности” государственно-хозяйственной деятельности» с целью избежать «разложения государственного сектора в обстановке ничем не ограниченной монополии» [3, с. 104].

Совершившийся в России большевистский переворот евразийцы оценивали неоднозначно. С одной стороны, большевизм был предан «анафеме» как «порождение европейской порочной мысли: коммунизм, социализм, материализм, атеизм, все это – квинтэссенция европейской

культуры, обрушившаяся на Россию и губящая ее», но, с другой стороны, евразийцы готовы были «благословить большевистский переворот как такой катаклизм, который повалил и вдребезги разбил весь предшествующий культурный уклад русской жизни, построенный на подражании европейским образцам» [5, с. 266–267]. Отвергая большевизм как идеологическую доктрину, евразийцы, тем не менее, положительно оценивают деятельность коммунистов, разрушивших старую Европу. «Русская революция, – читаем в статье П. Н. Савицкого “Евразийство как исторический замысел”, – покончила с Россией как частью Европы. Она обнаружила природу России как особого исторического мира» [3, с. 101].

Аналогичные суждения можно встретить и в работах Н. С. Трубецкого: «Евразийство сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но всей той культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского запада, и в требовании коренной перестройки всей этой культуры. Евразийство сходится с большевизмом и в призыве к освобождению народов Азии и Африки, поработанных колониальными державами» [2, с. 85]. Но это сходство чисто внешнее, уточняют евразийцы. «Большевики исходят из марксистского представления о том, что культура создается определенным классом, евразийцы же рассматривают культуру как плод деятельности определенных этнических единиц, нации или группы наций. Поэтому для евразийцев понятия «буржуазной» и «пролетарской» культуры, в том смысле, как их употребляют большевики, являются совершенно мнимыми... Находясь всецело во власти марксистских схем и подходов к проблеме культуры исключительно с точки зрения этих схем, большевики, естественно, оказываются совершенно неспособными выполнить то, что они затеяли, то есть создать на месте старой культуры какую-то новую» [2, с. 85–86]. Резюмируя сказанное, Н. С. Трубецкой пишет: «Большевизм есть движение разрушительное, а евразийство – созидательное... Большевизм – движение богоборческое, евразийство – движение религиозное, богоутверждающее» [2, с. 88].

Ради спасения революции, сохранения потенциальной возможности развития России на путях, отличных от Европы, евразийцы пытались найти замену коммунистической идеологии, неспособной выполнить то, что затеяли большеви-

ки, то есть создать на месте старой культуры новую цивилизацию. Эта новая идеология, которую они называли «сознательно-религиозной», «евразийско-русской», должна была стать реальной силой посредством формирования партии особого типа. В программном документе «Евразийство (опыт систематического изложения)» дана характеристика этой новой организационной структуры: «Она – партия... правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией. Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм» [3, с. 58]. Недалеко же ушли евразийцы от большевиков в своем представлении о партийной системе. Не случайна их фраза о том, что они (евразийцы. – Г. К.) мыслят новую партию как «преемницу большевиков» [3, с. 58]. Отвергая коммунизм и его идеологию, евразийцы, тем не менее, убеждены в том, что альтернативы большевикам нет. По их мнению, «русская революция уже пережила свой воинственный период, благополучно преодолев соблазны военной пропаганды и империалистического расширения... По всем данным России не грозит бонапартизм, хотя “коллективный внутренний Бонапарт” (правительствующая партия) ей и нужен» [3, с. 77]. Полемизируя с П. Б. Струве, видевшим связь идеологии евразийства с национал-большевизмом, П. Н. Савицкий недвуммысленно дал понять, что в условиях отсутствия реальных конкурентов в борьбе за власть большевики являются единственной политической партией, которая может спасти Россию от распада: «Вслед за падением большевиков волна народной анархии захлестнет страну» [3, с. 274].

Евразийская идеология, ее базовые принципы были подвергнуты жесткой критике со стороны оппонентов, среди которых оказался и А. А. Кизеветтер.

Размышляя о причинах появления евразийства как общественно-политического течения, историк напрямую связывает данный факт с теми историческими условиями, в которых оказалась Россия к началу XX в. Мировая война и большевистский переворот – вот два основных события, приведшие русскую интеллигенцию к мысли о том, что все ужасы и трагические последствия

Великой войны порождены европейским укладом жизни. Руками большевиков в России уничтожена, наконец, «наружная кора заимствованной тлетворной европейской культуры». и перед страной открылась возможность дать «свободный ход подлинным началам русской национальной духовной жизни» [3, с. 162].

Квинтэссенцией евразийского учения является положение о том, что Россия не может следовать по пути европейского развития, ибо она входит в состав «особого мира, представляющего собою своеобразное совмещение европейских и жизненных стихий» [2, с. 268]. В этом утверждении евразийцев, по мнению А. А. Кизеветтера, нет ничего нового, оригинального. Об этом писали в XIX в. представители государственной школы – Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев и др. Признавая по форме влияние европейской культуры на русское общество, евразийцы все свое «литературное красноречие обращают на то, чтобы представить содержание русского культурного развития как борьбу между европейскими и азиатскими началами и притом такую борьбу, в которой на русской почве Азия должна восторжествовать над Европой по той причине, что сердцевина души русского народа, ее подлинная подоплека есть азиатская, а не европейская, и весь русский европеизм представляет собою не что иное, как внешний налет, искусственно навязанный русскому народу властью Петра I и его преемников» [2, с. 268–269].

Оппонируя А. Кизеветтеру, П. Савицкий обвиняет ученого в недобросовестности, передергивании фактов в стремлении опорочить новую идеологию. При этом Савицкий указывает на то, что Кизеветтер в своем ложном утверждении не делает ни одной ссылки на работы евразийцев. П. Н. Савицкий лукавит: можно привести значительное количество высказываний евразийцев о примате азиатской культуры над европейской, например: «Европейская культура превратила массы рабочих в системы атомов»; «велико счастье Руси, что в тот момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, а никому другому..., если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу»; «наше отношение к Азии интимнее и теплее, ибо мы друг другу родственнее» [3, с. 66; с. 333–334] и др.

А. А. Кизеветтер считал ошибочными воззрения евразийцев на то, что якобы человечество в своей культурной среде расколото на взаимно чуждые культурные миры, и что ни одна национальная культура не несет в себе следы обще-

человеческих начал. Конечно, отмечает историк, каждая человеческая личность уникальна, неповторима, но кто же в силу этого станет «отрицать единство человеческой природы не только физической, но и духовной? Как ни своеобразны все индивидуальные биографии, все же все люди подчинены действию некоторых общих законов в жизни и своих телесных и своих психических организмов... Даже гораздо более своенравные, нежели человеческая мысль, человеческие страсти при всем многообразии их порывов подчиняются-таки некоторым общечеловеческим законам. И точно так же только ради заведомого предубеждения, не считающегося с исторической действительностью, можно отрицать наличие общечеловеческих стихий в общежительной культуре отдельных стран и племен» [2, с. 272–273].

Не признает А. А. Кизеветтер и идейного родства евразийцев со славянофилами. Евразийцы знакомы с сущностью славянофильского учения крайне поверхностно. В отличие от евразийских идеологов, славянофилы признавали теорию единого всемирно-исторического процесса. Более того, они высоко ценили вклад романо-германской культуры в мировой истории. «Славянофилы, как и западники, – отмечает А. А. Кизеветтер, – придавали своим идеалам значение мировое, общечеловеческое, тогда как евразийцы отвергают самое понятие общечеловеческой культуры, заменяя его понятием совокупности отдельных культурных партикуляризов» [2, с. 274].

Не отличаются ясностью и точностью стили программные положения евразийцев в области экономических и политических отношений. Попытку соединить структурные элементы рыночной концепции с патриархальными формами политического устройства А. А. Кизеветтер называет утопией [2, с. 277]. Отрицая парламентаризм, евразийцы готовы признать в качестве идеальной формы народовластия большевистские советы. «В пользу советской системы, – утверждает П. Савицкий, – говорит и то, что она несомненно “привилась”: выросши из народных потребностей, она принята народом и встречает сопротивление лишь постольку, поскольку искусственно сплетена с коммунизмом... мы подчеркиваем связь советской системы с бытовым демократизмом, снимающим наконец психологический антагонизм между барином-интеллигентом и мужиком» [3, с. 62–63].

Завершая обзор евразийского учения, А. А. Кизеветтер приходит к неутешительному

(для евразийцев. – Г. К.) выводу: «Пронизанное противоречиями, оно представляет собой слишком легкую, как бы воздушно-фантастическую постройку. Притязая на эмпиричность, евразийцы с полной непринужденностью распоряжаются по своему усмотрению фактами эмпирической действительности. Одни элементы европейской культуры они произвольно признают ее основоположными стихиями, а другие просто-напросто отбрасывают в сторону и вот – готова характеристика этой культуры как сводящейся целиком и без остатка на материализм, атеизм и социализм» [2, с. 278].

Библиографический список

1. Виленда, И. В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев [Текст] / И. В. Виленда // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1998. – № 1. – С. 27–41.
2. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн [Текст]. – М.: Наука, 1993. – 367 с.
3. Савицкий, П. Н. Континент Евразия [Текст] / П. Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
4. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен [Текст] : в 15-ти т. – Т. 3 / С. М. Соловьев. – М.: Соцгиз, 1903. – 782 с.
5. Флоровский, А. В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве [Текст] / А. В. Флоровский. – Одесса: Техник, 1910. – 319 с.
6. Чичерин, Б. Н. Опыты по истории русского права [Текст] / Б. Н. Чичерин. – М., 1858. – 389 с.